

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием адвоката Г., заявителя Д. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Д. от 20 октября 2021 года (вх. № ... от 26.10.2021) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия 02 февраля 2022 года вынесла Заключение:

- о нарушении адвокатом Г. п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в том, что адвокат Г., завершив 29 апреля 2019 года оказание юридической помощи Д. в связи с возбужденным в отношении нее уголовным делом № ..., находящимся в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в том числе по вопросу обжалования постановления Т. районного суда города Москвы 14 февраля 2019 года о наложении ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. деревни Т. О. района М. области, и обладая сведениями, составляющими профессиональную (адвокатскую) тайну, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи Д., 10 марта 2021 года представлял интересы ее финансового управляющего – С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы в рамках дела (материала) № ... также по вопросу снятия ареста с ее недвижимого имущества в обстоятельствах, когда интересы его доверителя С. противоречили интересам его бывшего доверителя Д., и, в целях усиления позиции С. о необходимости снятия ареста с недвижимого имущества Д. и формирования у суда негативного отношения к Д., допустил следующее насмешливое высказывание в отношении его бывшего доверителя Д.: «это не ее единственное жилье, это дворец на Р., они живут с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению»;

- о нарушении адвокатом Г. взаимосвязанных положений пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что 16 ноября 2020 года он оказывал юридическую помощь В. при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу

Москве в ходе доследственной проверки, проводимой по заявлению его бывшего доверителя Д., в условиях конфликта интересов доверителей Д. и В.

Одновременно в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Г. 14 марта 2019 года представлял интересы Д. при даче объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, а также в том, что 28 июня 2019 года он должен был участвовать, но не участвовал от ее имени в качестве защитника в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении дела (материала) № ..., а вместо этого, не уведомив Д., представлял интересы ее оппонентов ООО «...» и П., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель жалобы Д. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной Комиссии ознакомлена в полном объеме, поддержала свой письменный Отзыв от 23.03.2022 (вх. № ... от 23.03.2022), в котором она, соглашаясь с выводами Комиссии в части установленных нарушений, полагает, что в действиях адвоката Г. содержится также нарушение п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку, по её мнению, деятельность адвоката Г. несовместима со статусом адвоката. В заседании Совета Д. ходатайствовала о направлении дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового разбирательства с целью установления нарушения адвокатом Г. п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Считает, что к нему должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета сообщил, что с Заключением Квалификационной комиссии ознакомлен, согласился в полном объеме с выводами Квалификационной комиссии, а также указал, что после ознакомления с Заключением переосмыслил своё поведение и осознал его ошибочность, поэтому полностью признаёт установленные Комиссией нарушения и просит Совет учесть это, а также то, что ранее к дисциплинарной ответственности он не привлекался, и сохранить ему возможность исправиться в составе профессионального сообщества.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, не находит оснований для направления настоящего дисциплинарного производства в Квалификационную комиссию для нового разбирательства и соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем, Совет полагает необходимым частично изменить объём дисциплинарного обвинения. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат Г., осуществляя с 16 февраля 2015 года адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...», в ноябре 2018 года оказывал Д.

юридическую помощь: совместно с другими адвокатами Адвокатского бюро «...» участвовал в подготовке обращения от ее имени к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В этом обращении изложены фабула и обстоятельства уголовного дела № ... в отношении Д., находящегося в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве.

Уголовное дело № ... было возбуждено в декабре 2017 года, в качестве обвиняемой Д. была привлечена постановлением следователя от 14 ноября 2018 года. Постановлением Т. районного суда города Москвы от 28 июня 2019 года по ходатайству следователя был наложен арест на недвижимое имущество, принадлежащее Д., в виде земельного участка с кадастровым номером № ..., жилого дом с кадастровым номером № ..., а также нежилого сооружения с кадастровым номером № ... по адресу: М. область, О. район, деревня Т., дачный поселок Р., дом ..., путем запрета на совершение регистрационных действий и сделок с ним.

В настоящее время в производстве Арбитражного суда города Москвы находится дело № ... по заявлению П. о признании Д. несостоятельной (банкротом). При этом адвокат П. осуществляет адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...» с 11 января 2009 года и является старшим партнером адвоката Г. Заявление П. поступило в суд 07 июня 2019 года. Определением Арбитражного суда города Москвы от 12 июля 2019 года заявление признано обоснованным, в отношении Д. введена процедура реструктуризации долгов гражданина, финансовым управляющим утвержден С. Решением суда от 03 декабря 2019 года Д. признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее введена процедура реализации имущества гражданина, финансовым управляющим Д. утвержден С. Одним из кредиторов Д. в указанном деле также является ООО «...». Требования П. и ООО «...» к Д. включены в реестр требований кредиторов определениями Арбитражного суда города Москвы по делу о банкротстве Д. от 12 июля и 16 сентября 2019 года, соответственно. Определением Арбитражного суда города Москвы от 10 декабря 2021 года удовлетворено заявление кредитора П. о процессуальном правопреемстве, и кредитор П. в деле о банкротстве Д. заменен на его правопреемника ООО «...».

Принадлежащее Д. недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. М. области, на которое наложен арест в рамках указанного выше уголовного дела, включено в конкурсную массу по делу о ее банкротстве. Д. обращалась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением об исключении указанного недвижимого имущества из конкурсной массы как единственного жилья ее и членов ее семьи. Определением от 16 июня 2020 года Арбитражный суд города Москвы, рассмотрев указанное заявление Д. в рамках обособленного спора по делу о банкротстве, отказал в его удовлетворении. Данное определение было оставлено без изменения Постановлением Девятого арбитражного суда города Москвы от 11 сентября 2020 года и Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 08 декабря 2020 года. Определением от 05 февраля 2021 года Верховный Суд

Российской Федерации отказал в передаче кассационных жалоб, поданных Д. и ее финансовым управляющим С. на указанные судебные акты, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Адвокат Г. на основании ордера от 29 апреля 2019 года № 39, выданного Адвокатским бюро «...», осуществлял защиту Д. в Московском городском суде в судебном заседании 29 апреля 2019 года по рассмотрению ее апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы от 14 февраля 2019 года, которым суд удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на недвижимое имущество Д., расположенное в поселке Р. М. области. В судебном заседании 29 апреля 2019 года Московский городской суд удовлетворил апелляционную жалобу Д.: постановление Т. районного суда города Москвы от 14 февраля 2019 года было отменено, и материал направлен на новое разбирательство в суд первой инстанции.

В материалах дисциплинарного производства имеется письмо Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 17.01.2022), из которого следует, что соглашение об оказании юридической помощи Д. по осуществлению ее защиты в Московском городском суде в указанной выше обособленной судебной процедуре по наложению ареста на её имущество по уголовному делу было заключено не ею, а третьим лицом. Из письма Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 31.01.2022) также усматривается, что указанное соглашение заключено 28 апреля 2019 года, предмет соглашения сформулирован следующим образом: *«оказание Бюро юридической помощи Д., заключающейся в представлении интересов Д. в судебном заседании в Московском городском суде при рассмотрении апелляционной жалобы Д. на постановление Т. районного суда г. Москвы от 14.02.2019 по материалу № ...»*, поручение по соглашению принял адвокат Г.

После 29 апреля 2019 года адвокат Г. юридическую помощь Д. не оказывал.

28 июня 2019 года адвокат Г. намеревался участвовать в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении того же дела (материала) № ... о наложении ареста на недвижимое имущество Д. в поселке Р. по ходатайству следователя в рамках уголовного дела в отношении Д., но уже в интересах ООО «...» на основании доверенности от 11 июня 2019 года, а также в интересах П.

10 марта 2021 года адвокат Г. участвовал в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении дела (материала) № ... в интересах финансового управляющего Д. – С. по его жалобе о признании незаконным постановления следователя от 09 августа 2019 года об отказе в удовлетворении ходатайства С. о снятии с недвижимого имущества Д., расположенного в поселке Р. М. области, ареста, наложенного согласно постановлению Т. районного суда города Москвы в рамках указанного выше уголовного дела.

Как следует из письма Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 31.01.2022), соглашение об оказании юридической помощи С. заключено 13 января 2021 года, и предмет данного соглашения сформулирован следующим образом: *«оказание Бюро юридической помощи по представлению интересов С. во всех указанных им судебных заседаниях в рамках рассмотрения поданных им жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, направленных на признание незаконным ареста имущества Д. в рамках уголовного дела № ... и его отмене (в том числе при апелляционном и кассационном обжаловании)»*, поручение по соглашению принял адвокат Г.

Таким образом, установлено, что 29 апреля 2019 года адвокат Г. осуществлял защиту обвиняемой Д. в апелляционной инстанции Московского городского суда в ходе обособленной судебной процедуры по наложению ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество в рамках уголовного дела № ..., находившегося в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, на основании соглашения от 28 апреля 2019 года, заключенного неустановленным лицом в интересах Д., а 10 марта 2021 года адвокат Г., представляя финансового управляющего Д. – С., участвовал в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении жалобы последнего о признании незаконным постановления следователя СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве от 09 августа 2019 года об отказе в удовлетворении ходатайства С. о снятии ареста с этого же недвижимого имущества на основании соглашения от 13 января 2021 года, заключенного неустановленным лицом в интересах С. То есть, адвокат Г. являлся в апреле 2019 года защитником обвиняемой Д., а в марте 2021 года представителем ее финансового управляющего – С. в обособленных судебных процедурах, связанных с наложением ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество в рамках одного и того же указанного выше уголовного дела в отношении Д.

Кроме того, установлено, что 16 ноября 2020 года адвокат Г. оказывал юридическую помощь адвокату В., осуществляющей адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...» с 11 января 2009 года, при даче ею объяснений в ходе проведения З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве доследственной проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, на основании ордера от 16 ноября 2020 года № ..., выданного Адвокатским бюро «...» на защиту интересов В.

Как следует из письма Управляющего партнера Адвокатского бюро «...» Т. без даты (вх. № ... от 31.01.2022), соглашение об оказании юридической помощи В. было заключено 16 ноября 2020 года, и предмет данного соглашения сформулирован следующим образом: *«оказание Бюро юридической помощи В. во всех правоохранительных органах, в том числе в органах Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с участием Доверителя в рамках расследования уголовного дела, в том числе с правом обжалования действий*

(бездействия) в вышестоящий орган, органы прокуратуры и суд, с правом совершения всех необходимых процессуальных действий, заявлять ходатайства, собирать доказательства, представлять доказательства по делу, а также в рамках рассмотрения уголовного дела по существу в суде первой, апелляционной, кассационной инстанции, с правом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования решений, постановлений и определений», поручение по соглашению принял адвокат Г.

Установить в ходе дисциплинарного разбирательства лиц, которые заключали с Адвокатским бюро «...» соглашения об оказании юридической помощи в интересах Д., В. и С., не представилось возможным, поскольку и Управляющий партнер Адвокатского бюро «...» Т., и адвокат Г. отказались представить соответствующие сведения Адвокатской палате города Москвы при подготовке и в ходе дисциплинарного разбирательства.

Заявитель Д. выдвинула следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Г.:

- в оказании ей юридической помощи 14 марта 2019 года при даче объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соответствующего соглашения;

- в участии в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 28 июня 2019 года при рассмотрении материала № ... о наложении ареста на её недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. М. области, по ходатайству следователя в рамках уголовного дела в отношении Д., в интересах ООО «...» и П. При этом адвокат Г. должен был в данном судебном заседании осуществлять защиту интересов Д., поскольку ранее, 29 апреля 2019 года, он уже осуществлял ее защиту при рассмотрении Московским городским судом апелляционной жалобы Д. на постановление Т. районного суда города Москвы по тому же материалу. Кроме того, адвокат Г. должен был уведомить Д. о том, что не будет осуществлять ее защиту в судебном заседании 28 июня 2019 года, однако не сделал этого;

- в оказании юридической помощи адвокату Адвокатского бюро «...» В. в 2020 году при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве в ходе доследственной проверки, проводимой по заявлению Д., при наличии конфликта интересов доверителей – Д. и В.;

- в передаче без согласия Д. ее финансовому управляющему С. информации, которая стала известна адвокату Г. в связи с оказанием юридической помощи Д. по возбужденному в отношении нее уголовному делу, которую впоследствии С. использовал «при подготовке жалоб по ст. 125 УПК РФ», включая жалобу в Т. районный суд города Москвы по вопросу о снятии ареста с недвижимого имущества Д. Адвокат Г. представлял интересы С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы по указанному материалу 10 марта 2021 года при наличии конфликта интересов доверителей – Д. и С.;

- в представлении в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года при рассмотрении материала № ... о снятии

ареста с недвижимого имущества Д. недостоверных и клеветнических сведений о ее имуществе, обстоятельствах ее жизни и жизни ее семьи, совершаемых ею действиях, а также в насмешливых высказываниях в адрес Д. в ходе судебного заседания: *«Это не её единственное жилье, это дворец на Р., она живет с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению».*

Оценивая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Г. 14 марта 2019 года оказывал юридическую помощь Д. при даче ею объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, а также в том, что 28 июня 2019 года он не осуществлял ее защиту в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении материала № ..., а вместо этого, не уведомив Д., представлял интересы ООО «...» и П., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката двухлетний срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности истек соответственно 14 марта 2021 года и 28 июня 2021 года, то есть еще до подачи жалобы Д. Рассматриваемые нарушения не являются длящимися. При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в части данных дисциплинарных обвинений подлежит прекращению.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Г. оказывал юридическую помощь адвокату Адвокатского бюро «...» В. при наличии конфликта интересов доверителей, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт обоснованным.

Согласно пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

Нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, раскрывая существо конфликта интересов, устанавливают следующие правила, которыми должен руководствоваться адвокат в своей деятельности:

- адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон (п. 1 ст. 11);

- адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса (пп. 10 п. 1 ст. 9).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что адвокат Г. в период с 22 по 25 ноября 2018 года выполнял в интересах Д. правовую работу по подготовке ее обращения к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в котором были изложены факты и обстоятельства возбужденного в отношении Д. уголовного дела, а также содержались доводы о необходимости его

прекращения. 25 ноября 2018 года адвокат Г. направил по электронной почте своим коллегам из Адвокатского бюро «...», а также Д. «свою версию» данного заявления. Кроме того, адвокат Г. осуществлял защиту Д. в Московском городском суде в заседании 29 апреля 2019 года при рассмотрении ее апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города Москвы, которым наложен арест на принадлежащее ей недвижимое имущество по ходатайству следователя в рамках того же уголовного дела.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Г. не отрицал, что он оказывал В. юридическую помощь при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве, а также подтвердил, что в материалы дисциплинарного производства Д. представила именно те объяснения, которые В. давала следователю 16 ноября 2020 года с его участием.

Объяснения В. от 16 ноября 2020 года были получены следователем в соответствии с Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» и ст. 144 УПК РФ в ходе проверки сообщения о преступлении. Нормы указанного закона и УПК РФ, в том числе положения ст. 144 УПК РФ, не устанавливают обязанность должностного лица (в данном случае, следователя), проводящего доследственную проверку сообщения о преступлении, сообщать лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, сведения о том, кем, в связи с чем, в отношении кого было подано такое сообщение.

Однако из содержания объяснений В., которые она давала в ходе опроса 16 ноября 2020 года, усматривается, что следователь задавал вопросы об обстоятельствах, связанных с оказанием ею юридической помощи Д. и судебных спорах, в которых она представляла интересы Д., об обстоятельствах ее знакомства и взаимоотношений с П., об известных ей обстоятельствах наложения ареста на дом, принадлежащий Д., об обстоятельствах заключения Д. договоров займа с П. и рассмотрения гражданского дела по иску П. к Д. в связи с этими договорами, о ее переписке в мессенджере WhatsApp с Д. в октябре 2018 года по вопросу о явке последней в З. районный суд города Москвы для участия в заседании по иску П., о руководстве ООО «...», о расчетах между Д. и ООО «Э.», об обстоятельствах знакомства представителей ООО «...» с Д.

Как указано выше, адвокаты Г., В. и П. совместно осуществляют адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...» с 16 февраля 2015 года. При этом адвокат В. в период с лета 2015 года до конца мая 2019 года представляла интересы Д. в Арбитражном суде города Москвы, в Б. районном суде города Москвы, а также оказывала ей юридическую помощь в связи с продажей объектов недвижимости.

Адвокат Г. оказывал Д. юридическую помощь с конца ноября 2018 года до конца апреля 2019 года в связи с указанным выше уголовным делом № ..., а также в связи с рассмотрением апелляционной жалобы Д. на постановление Т. районного суда города Москвы от 14 февраля 2019 года, которым суд удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на

указанную выше недвижимость Д. П., являясь старшим партнёром адвокатского бюро, координировал всю работу по оказанию Д. юридической помощи и лично участвовал в переписке адвоката Г. с Д. в конце ноября 2018 года, конце января и начале апреля 2019 года в связи с уголовным делом в отношении Д.

К письменным объяснениям адвоката Г. приложена копия возражений Д. на Заключение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы от 15 сентября 2021 года по ее жалобе на адвокатов Адвокатского бюро «...» В. и П.

Учитывая вышеизложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Г. получил информацию, необходимую ему для оказания юридической помощи Д., не только от нее самой, но также и от своих партнеров В. и П., которые, учитывая их продолжительную совместную с адвокатом Г. адвокатскую деятельность в Адвокатском бюро «...», а также предмет оказания адвокатом Г. юридической помощи Д., сообщали ему известные им сведения об обстоятельствах совершенных Д. сделок, связанных с недвижимым имуществом в поселке Р., включая сведения о произведенной ООО «...» оплате за Д. части стоимости принадлежащей ей недвижимости в поселке Р. пользу ООО «Э.».

С учётом всей совокупности изложенных обстоятельств адвокат Г., являющийся профессиональным советником по юридическим вопросам, не мог не понимать, что заявление в Следственный комитет Российской Федерации о привлечении к уголовной ответственности адвоката В. было подано именно его бывшим доверителем Д.

В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 72 УПК РФ: «защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика», и в таких обстоятельствах обязан уклониться от участия в производстве по уголовному делу (п. 1 ст. 62 УПК РФ).

В Разъяснениях №1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 07 сентября 2003 года указано, что «В случаях, когда адвокат защищает двух подозреваемых или обвиняемых и в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства интересы одного из них вступают в противоречие с интересами другого, адвокату, который не вправе согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ далее продолжать защищать обоих, следует выйти из дела. Предпочтение одного подзащитного другому будет профессионально неэтичным».

Несмотря на то, что приведенные Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы сформулированы для иной процессуальной ситуации, адвокату Г., безусловно, следовало учитывать сформулированную в нем правовую позицию при решении вопроса о возможности оказания юридической помощи В. в ходе дачи ею объяснений после того, как для него

как профессионального участника уголовного судопроизводства стало понятно, что доследственная проверка проводится по заявлению его бывшего доверителя Д.

Совокупный анализ приведенных нормативных требований позволяет сделать вывод о том, что для адвоката недопустимо совершать какие-либо действия, которые могут привести к конфликту интересов доверителей. Обязанность адвоката по предотвращению конфликта интересов доверителей состоит, в частности, в том, чтобы воздерживаться от оказания юридической помощи новому доверителю, если это нарушает конфиденциальность сведений, доверенных ему прежним доверителем, или создает риск такого нарушения. При этом сведения, сообщенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого доверителя источником получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его доверителя или бывшего доверителя.

Оценивая установленную в ходе дисциплинарного разбирательства совокупность обстоятельств, связанных с оказанием адвокатом Г. юридической помощи В., Совет признаёт, что адвокат Г. пренебрег указанными выше требованиями, поскольку он, понимая, что заявление в Следственный комитет Российской Федерации в отношении В. подано его бывшим доверителем Д., не устранился от оказания юридической помощи В. По этой причине Совет приходит к выводу об обоснованности дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Г. взаимосвязанных положений пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката и признаёт презумпцию его добросовестности опровергнутой в данной части.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Г. передал С. - финансовому управляющему Д. информацию, которая стала известна адвокату Г. в связи с оказанием ей юридической помощи по возбужденному в отношении нее уголовному делу, и которую С. впоследствии использовал «при подготовке жалоб по ст. 125 УПК РФ», в том числе жалобы по вопросу о снятии ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р., которая рассматривалась Т. районным судом города Москвы с участием в судебном заседании 10 марта 2021 года адвоката Г., а также в том, что в указанном судебном заседании адвокат Г. представлял ее финансового управляющего при наличии конфликта интересов, Совет также приходит к выводу о том, что указанные дисциплинарные обвинения нашли свое подтверждение.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что с осени 2018 года Д. намеревалась продать принадлежащее ей недвижимое имущество в поселке Р. третьему лицу, однако сделать это не удалось в связи с вынесением 14 февраля 2019 года Т. районным судом города Москвы упомянутого выше постановления о наложении ареста на это имущество. При рассмотрении 29 апреля 2019 года Московским городским судом апелляционной жалобы Д. на указанное постановление Т. районного суда города Москвы ее защитником как раз и выступал адвокат Г.

Намерение Д. в указанный период времени реализовать данный объект недвижимости подтверждается и заключенным ею 24 мая 2019 года договором его купли-продажи, который она также ранее представила в материалы предыдущего дисциплинарного производства по её жалобам в отношении адвокатов Адвокатского бюро «...» П. и В.

Таким образом, заинтересованность Д. в снятии ареста с ее недвижимого имущества в поселке Р. в апреле 2019 года была вызвана ее намерением свободно реализовать право собственника, продав принадлежащий ей объект недвижимости третьему лицу, чему препятствовали наложенные судом арест и запрет на совершение регистрационных действий. Все это не могло не быть известно адвокату Г., который, представляя в тот момент интересы Д., добился нужного ей результата.

Когда же адвокат Г. участвовал в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года при рассмотрении дела (материала) № ..., в ходе которого поддерживал позицию финансового управляющего Д. – С. о необходимости снятия ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р. и приводил аргументы в поддержку данной позиции, для Д. ситуация была уже иной.

К 13 января 2021 года, когда Адвокатским бюро «...» было заключено соглашение с третьим лицом о представлении интересов С., и адвокат Г. принимал поручение по этому соглашению, решением Арбитражного суда города Москвы Д. была признана банкротом, в отношении нее была введена процедура реализации имущества, недвижимое имущество в поселке Р. было включено в конкурсную массу, а С. был назначен ее финансовым управляющим.

Адвокат Г., принимая поручение неустановленного лица на оказание юридической помощи С., знал о том, что последний является финансовым управляющим Д. в деле о банкротстве, а также о ходе рассмотрения этого дела. Знал адвокат Г. и о том, что конкурсным кредитором в указанном деле является его партнер по бюро – П., к тому же указанная информация является общедоступной на официальном сайте Федеральные арбитражные суды Российской Федерации (<http://www.arbitr.ru/>).

Таким образом, адвокат Г., представляя в 2021 году интересы финансового управляющего Д. – С. в обособленной судебной процедуре по снятию ареста, наложенного на недвижимое имущество Д. в рамках уголовного дела, действовал исключительно в интересах финансового управляющего и конкурсных кредиторов, включая ПН. и ООО «...», которые явно противоречили интересам самой Д., добивавшейся пересмотра решения суда о признании ее задолженности перед П. и исключения указанного имущества из конкурсной массы с целью его продажи.

Таким образом, адвокат Г., оказывая финансовому управляющему Д. – С. юридическую помощь в связи с уголовным делом, по которому он ранее оказывал юридическую помощь самой Д., а также представляя интересы С. в суде при рассмотрении вопроса о снятии ареста с недвижимого имущества Д.

в поселке Р. с целью передачи его в конкурсную массу, действовал в условиях конфликта интересов, поскольку он ранее осуществлял защиту самой Д. по тому же вопросу, но с другой целью – самостоятельной продажи ею объекта недвижимости.

Несмотря на это, поручение на представление интересов С. было адвокатом Г. принято и исполнялось.

При этом, адвокат Г. не пытался поставить своего бывшего доверителя Д. в известность ни о своем намерении оказывать юридическую помощь С., ни о факте ее оказания.

Как следует из протокола судебного заседания Т. районного суда города Москвы от 10 марта 2021 года, адвокат Г., обосновывая необходимость снятия ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р., указывал на то, что наличие ареста препятствует реализации данного имущества в рамках процедуры банкротства Д., осуществлению расчетов с ее конкурсными кредиторами и с финансовым управляющим С. в части осуществления с ним расчетов по выплате вознаграждения и возмещению расходов.

Адвокат Г. понимал, что позиция Д. и ее отношение к вопросу снятия ареста с недвижимого имущества в поселке Р. при рассмотрении этого вопроса Т. районным судом города Москвы в 2021 году была уже иной. Именно поэтому в судебном заседании 10 марта 2021 года он прямо указал, что Д. «счастлива тем, что следователь наложил арест на это имущество».

В этом же судебном заседании адвокат Г., обосновывая необходимость удовлетворения ходатайства С. о снятии ареста с недвижимого имущества Д. в поселке Р., указывал на истечение в декабре 2019 года сроков давности привлечения ее к уголовной ответственности, а также на то, что никаких следственных действий не производится и с 2018 года никакого движения по уголовному делу нет. Тем самым он использовал сведения, ставшие ему известными адвокату в ходе оказания юридической помощи Д., при обосновании в суде позиции ее финансового управляющего С. в обстоятельствах, когда интересы Д. не просто не совпадали с интересами С., но были им противоположны.

Все вышеизложенное свидетельствует о намеренном и грубом пренебрежении адвокатом Г. требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката об обязанностях адвоката по недопущению конфликта интересов доверителей (в том числе потенциального), являющихся основополагающими этическими требованиями адвокатской деятельности.

Доверие к адвокатуре в целом основано на доверии к каждому члену адвокатского сообщества, адвокатской корпорации, и это доверие возможно только при условии профессионального, честного и добросовестного отношения адвоката к своему делу, к адвокатской профессии и своим обязанностям.

Добросовестность адвоката по отношению к лицу, обратившемуся за оказанием правовой помощи, проявляется в особом, фидуциарном (лично-доверительном) характере отношений между ними. Предполагается, что добросовестность адвоката означает осуществление им своей деятельности по представлению прав и интересов доверителя с той степенью заботливости и осмотрительности, с какой адвокат отстаивал бы в аналогичной ситуации собственные интересы (Пилипенко Ю.С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. М., Норма, 2016 год).

Убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему (п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Даже спустя длительное время адвокат не может представлять интересы процессуального противника бывшего доверителя, в том числе и по другому делу, и вести его против интересов бывшего доверителя; обладание сведениями, составляющими профессиональную (адвокатскую) тайну, ранее доверенными адвокату, не может давать ему никаких преимуществ при представлении интересов других лиц, и использование адвокатом таких сведений без согласия доверителя и/или против его интересов недопустимо, поскольку нарушает п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Иное понимание прав «бывшего» доверителя противоречило бы сути конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, государственной гарантией которого является институт адвокатуры (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). Данный подход выработан в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы достаточно давно (см. Обзоры дисциплинарной практики // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2005. № 7-8, С. 34-38. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2010. Выпуск 1-2. С. 52-53).

Согласно ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката, он «устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. Адвокаты вправе в своей деятельности руководствоваться нормами и правилами Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества постольку, поскольку эти правила не противоречат законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре и положениям Кодекса».

В соответствии с п. 3.2.3 Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества от 28 октября 1988 года, текст которого размещен на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<<https://fparf.ru/documents/international-acts/>>), «Адвокат не может принять дело нового клиента, если конфиденциальная информация, данная прежним клиентом, может быть нарушена либо если конфиденциальные знания адвоката по делам бывшего клиента благоприятствуют новому клиенту.»

Однако, как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Г., принимая в 2021 году поручение на оказание юридической помощи финансовому управляющему ДВ. – С., руководствовался поверхностным и формальным подходом: на простом сопоставлении периодов оказания им юридической помощи доверителям без должного внимания к вопросу о том, насколько в действительности совпадают или не совпадают их интересы с учетом известных ему фактических обстоятельств, что и привело к нарушению им основополагающих норм адвокатской этики.

Кроме того, аргументируя в заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года необходимость снятия ареста с принадлежащей Д. недвижимости в поселке Р., адвокат Г. сообщил суду следующую информацию: *«Это не ее единственное жилье, это дворец на Р., они живут с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению».*

Оценивая приведенное высказывание адвоката Г. с точки зрения его содержательности, стилистики, лексики и манеры изложения, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает обоснованным довод жалобы о том, что оно звучит насмешливо. Кроме того, Совет считает, что оно направлено на формирование у суда негативного отношения к Д. как к человеку богатому, у которого в собственности находится много объектов недвижимости и которого совершенно устраивает ситуация невозможности продажи некоторых из них для удовлетворения требований лиц, перед которыми у нее имеется задолженность.

Вместе с тем, учитывая цель, которую адвокат Г. хотел достичь данным высказыванием, а также всю совокупность установленных обстоятельств, при которых адвокат Г. допустил рассматриваемое высказывание в адрес своего бывшего доверителя, Совет приходит к выводу о том, что оно не составляет отдельного, самостоятельного нарушения, но подлежит совместной оценке вместе с иными действиями адвоката Г. в отношении его бывшего доверителя Д., которые уже получили в данном дисциплинарном разбирательстве оценку как подрывающие доверие к адвокату.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Г., завершив 29 апреля 2019 года оказание юридической помощи Д. в связи с возбужденным в отношении нее уголовным делом, в том числе защиту ее интересов в Московском городском суде по вопросу наложения ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество в поселке Р. в рамках уголовного дела, представляя интересы ее финансового управляющего – С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года по тому же вопросу в обстоятельствах, когда интересы С. противоречили интересам Д., используя сведения, ранее полученные им при оказании помощи Д. и допуская в судебном заседании Т. районного суда города Москвы 10 марта 2021 года насмешливые высказывания, направленные на создание у суда негативного отношения к Д., совершил действия,

направленные к подрыву доверия к нему как к адвокату, то есть нарушил п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет исключает из данного дисциплинарного обвинения указание на использование адвокатом Г. сведений, составляющих адвокатскую тайну, поскольку при описанных обстоятельствах оно не подлежит квалификации в качестве самостоятельного нарушения.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Г. за допущенные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Г. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. В то же время Совет учитывает, что адвокат Г. полностью признал допущенные им нарушения и раскаялся в содеянном, заверил Совет в том, что сделал соответствующие выводы и впредь не допустит подобных нарушений. Совет также принимает во внимание, что адвокат Г. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При указанных обстоятельствах Совет предлагает адвокату Г. пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает возможным применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- нарушение п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в том, что адвокат Г., завершив 29 апреля 2019 года оказание юридической помощи Д. в связи с возбужденным в отношении нее уголовным делом № ..., находящимся в производстве СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в том числе по вопросу обжалования постановления Т. районного суда города Москвы 14 февраля 2019 года о наложении ареста на принадлежащее ей недвижимое имущество, расположенное в поселке Р. деревни Т. О. района М. области, и обладая сведениями, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи Д., 10 марта 2021 года представлял интересы ее финансового управляющего – С. в судебном заседании Т. районного суда города Москвы в

рамках дела (материала) № ... также по вопросу снятия ареста с ее недвижимого имущества в обстоятельствах, когда интересы его доверителя С. противоречили интересам его бывшего доверителя Д., и, в целях усиления позиции С. о необходимости снятия ареста с недвижимого имущества Д. и формирования у суда негативного отношения к Д., допустил следующее насмешливое высказывание в отношении его бывшего доверителя Д.: «Это не ее единственное жилье, это дворец на Р., они живут с семьей в Москве. Эта роскошь подлежит реализации. Она жалобы не подает, следовательно наложил арест, она и счастлива. Подлежит сохранению»;

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат Г. 16 ноября 2020 года оказывал юридическую помощь В. при даче ею объяснений следователю З. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве в ходе доследственной проверки, проводимой по заявлению его бывшего доверителя Д., в условиях конфликта интересов доверителей Д. и В.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Д. от 20 октября 2021 года (вх. № .. от 26.10.2021) в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Г. 14 марта 2019 года представлял интересы Д. при даче объяснений в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, а также в том, что 28 июня 2019 года он должен был участвовать, но не участвовал от ее имени в качестве защитника в судебном заседании Т. районного суда города Москвы при рассмотрении дела (материала) № ..., а вместо этого, не уведомив Д., представлял интересы ее оппонентов ООО «...» и П., -вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков